

Рано утром в каморку к Цзи Линьси заглянул советник из префектуры. У него было четкое поручение от Его Высочества: восстановить этого человека в правах, переведя в разряд благонадежных подданных, и зачислить в уездное училище. Став студентом-стипендиатом, юноша более не нуждался в опеке.

Звание студента-стипендиата подразумевало, что казна берет на себя расходы на питание учащегося. В начале каждого месяца выдавалось пособие, пусть и скудное — всего три лян серебра, — на которые можно было лишь кое-как сводить концы с концами.

И все же для большинства книжников это был предел мечтаний. Чтобы удостоиться такой чести, следовало сперва выдержать суровые экзамены в училище. Для Цзи Линьси, бывшего бродяги, подобный статус стал даром небес. Не будь на то высочайшей воли, он мог бы до конца дней изводить себя зубрежкой, но так и не пробиться в ряды ученых мужей.

— Господин Си, по приказу того благородного господина я пришел, чтобы официально наделить вас статусом свободного гражданина. Сразу после этого мы отправимся в уездное училище.

— Минуту, прошу вас.

Юноша, который последние два дня не показывал носа из-под одеяла, спасаясь от холода и проваливаясь в беспробудный сон, с трудом выбрался из своего теплого кокона. Он потер кончик носа и накинул верхнее платье — вернее, закутался в него, превратившись в бесформенный сверток.

У гостя невольно дернулся уголок губ.

И «этот» человек всерьез рассчитывает на успех в государственных экзаменах? Теперь понятно, почему Его Высочество велел не раскрывать перед ним своего истинного статуса.

Чиновник присел на стул, наблюдая, как хозяин комнаты приносит таз с водой. Превозмогая дрожь, Цзи Линьси принялся умываться и мыть голову ледяной водой, от которой сводило челюсти. В поместье Ван условия были куда роскошнее.

Глядя на эти мучения, мужчина на миг заколебался, но так и не велел слугам принести горячей воды.

Когда же молодой человек наконец закончил и вытерся, перед советником предстал совершенно другой человек.

У него было на редкость привлекательное и молодое лицо: точеный нос, тонкие губы и разрез

глаз, напоминающий крылья феникса. Глубокие, иссиня-черные зрачки казались бездонными омутами.

Цзи Линьси расчесывал влажные волосы, то и дело громко чихая. Под глазами его виднелись легкие тени. Несмотря на красоту, в его облике сейчас сквозила какая-то небрежность, лишаящая образ должного достоинства.

Советник застыл, пораженный этой переменной:

— Господин... Си?

— Он самый, — отозвался юноша и снова чихнул. — Простите, господин советник. По определенным причинам мне пришлось маскироваться. Прошу прощения за неудобства.

Придя в себя, собеседник заметил его усталый вид:

— Вы будто бы совсем не спали эти дни?

При этих словах взгляд Линьси вильнул в сторону.

Когда человек сыт и предоставлен самому себе, мысли его неизбежно сворачивают на тропу плотских желаний. Последние два дня он только и делал, что валялся в постели: то перебирал пальцами шахматную фигуру, оставленную прекрасным принцем, то вдыхал тонкий аромат нефритовой мази от шрамов. Стоило ему открыть глаза — и воображение пускалось в бесстыдный пляс; стоило сомкнуть — и те же видения преследовали его во снах. Он совершенно потерял над собой власть, погрузившись в пучину сладкого порока.

— Да, признаться, спалось неважно, — пробормотал он, давая себе зарок исправиться.

Нельзя больше так распускаться. Он ведь будущий чиновник! Если он и дальше будет предаваться грезам о прекрасном принце по восемь-девять раз на дню, то не только о книгах забудет, но и вовсе растеряет все силы, не говоря уже о том, сможет ли он в будущем как следует услужить господину. Для этого требовалось крепкое тело и завидная выносливость.

Юноша решительно кивнул сам себе: отныне только суровая учеба и закалка организма. Воздержание и труд — вот его путь.

Он перевязал влажные волосы лентой и последовал за советником в отдел регистраций. После недолгих формальностей на документах шлепнула казенная печать. Отныне он не был безродным скитальцем. Он стал полноправным, благонадежным подданным империи.

Спрятав одну копию грамоты за пазуху (вторая осталась в архиве), Цзи Линьси вместе с советником направился в уездное училище.

Оказавшись у ворот, провожатый велел ему подождать снаружи, а сам вошел внутри.

Линьси стоял на ледяном ветру под серым небом. Когда ему было двенадцать-тринадцать лет, он прислуживал в подобной академии в другом округе. Тогда он мог лишь подглядывать в окна, выполняя самую грязную работу, а если его ловили — терпел насмешки учеников.

«Кто ты такой? Как смеешь ты слушать то же, что и мы? Разве способен твой рабский ум хоть что-то понять?» — кричали они ему. — «Твой удел — до конца дней гнуть спину в услужении!»

Мог ли он тогда помыслить, что благодаря милости прекрасного господина он сам встанет в один ряд с ними?

Глядя на величественную табличку над входом в училище, юноша невольно выпрямился, уже представляя свою будущую триумфальную жизнь после сдачи экзаменов.

Однако реальность быстро охладила его пыл.

Вопреки его ожиданиям, в училище не читали лекций. Советник, выведя его обратно, объяснил, что здесь проводят лишь ежемесячные испытания. Тот, кто хотел учиться, должен был сам искать частную школу или наставника. Уездное училище лишь два-три раза в месяц проводило испытания, и только студенты незнатного происхождения, успешно сдавшие их, могли рассчитывать на поручительство и рекомендацию для участия в настоящих государственных экзаменах.

Выполнив поручение, советник собрался возвращаться в префектуру. Его миссия была окончена.

Но стоило ему занести ногу в карету, как кто-то придержал его за рукав.

— Господин советник.

Мужчина обернулся и почувствовал, как в его ладонь переключал увесистый кошелек с серебром. Он удивленно вскинул брови и встретился взглядом с красивым лицом, на котором застыло заискивающее выражение.

В лучах заходящего солнца Цзи Линьси отвесил нижайший поклон:

— Недостойный слуга глуп и мало знает о школах Юнчэна, но всем сердцем жаждет выбиться в люди. Прошу вас, помогите мне найти достойное пристанище для учебы. Я в долгу не останусь.

Истинное величие не рождается в одночасье. Настоящий муж должен уметь и гнуться, и выпрямляться. Сегодня он готов смиренно склонить голову, чтобы завтра, в лучах славы,

обнимать своего красавца, взирая на мир с высоты своего триумфа.

Красные стены, золоченая черепица, резные карнизы и ступени из серого камня.

В ночной тишине императорский дворец выглядел грозно и величественно. Чу Юй только что вернулся из зала Цзычэнь, где отчитывался о делах в Юнчэне. Едва слуги помогли ему облачиться в парадное одеяние наследного принца, как снаружи возвестили о прибытии императрицы.

Евнух Чэнь побледнел и тут же пал ниц.

В сопровождении толпы служанок в покои вошла государыня. Она была еще молода и ослепительно красива; Чу Юй унаследовал свои черты именно от неё. Лишь в уголках её глаз виднелись тонкие морщинки, которые не портили красоты, а лишь придавали взгляду глубину. Но еще больше, чем лицо, поражала её аура — холодная, властная и непоколебимая, подобная бездонным водам великого озера.

— Приветствуем государыню-императрицу! Да живет она тысячи лет!

— Вон.

Служанки государыни и слуги Восточного дворца поспешно удалились. Остались лишь телохранитель Юньшэн и Чэнь Дэшунь. Двери тяжело захлопнулись.

В неверном свете бронзовых светильников императрица подошла к сыну.

— Сын приветствует матушку, — Чу Юй склонился в поклоне.

— На колени.

Чу Юй подобрал полы платья и опустился на холодный пол.

Мать посмотрела на него сверху вниз, и голос её зазвучал медленно и вкрадчиво:

— Матушка думала, что ты не в духе, и хотела лишь немного порадовать тебя, позволив покинуть дворец ради прогулки. Не ожидала я, что по возвращении ты преподнесешь мне такой... «сюрприз».

Она наклонилась, и её длинные золотые футляры для ногтей с узором гибискуса приподняли

подбородок Чу Юя, словно лезвие ножа.

— Юй-эр, знаешь ли ты, каких трудов мне стоило склонить на нашу сторону канцлера Вана? Неужели ты не мог просто закрыть глаза на дела его родни в Юнчэне? Неужели ты готов собственноручно отдать трон Чу Сую? Или хочешь, чтобы драгоценная наложница Ань и её сын втоптали нас в грязь, из которой мы никогда не поднимемся?

Чу Юй не поднимал головы. Нефритовые подвески его венца замерли, золотые ленты скользнули на плечи.

— У сына и в мыслях не было ничего подобного.

— Тогда почему ты притащил семью дяди канцлера в столицу под конвоем?

— За ними — более двадцати загубленных жизней. Они преступили закон империи, и родство с канцлером не может служить им щитом, — голос Чу Юя был ровным. — Я — наследный принц, и не могу пройти мимо такого беззакония.

— И что с того? — отрезала императрица. — Пусть там было бы тридцать, сорок жизней — это чужие люди, до которых тебе не должно быть дела. А поддержка канцлера Вана — вещь осязаемая и необходимая. Канцлер ценит узы крови; ты мог обменять жизни его родни на его вечную преданность. Разве это было бы плохой сделкой?

Чэнь Дэшунь хотел было замолвить слово за принца, но государыня одарила его таким ледяным взглядом, что евнух замер, не смея шелохнуться.

— Юй-эр, — рука матери легла на плечо принца. — Ничто не имеет значения, кроме твоего титула и твоего будущего трона. Если другие этого не понимают, то ты-то должен знать?

— ...

— Довольно, — после долгого молчания вздохнула она. Её ладонь смягчилась и скользнула к щеке сына. — Я уже уладила дело с канцлером. Его самого этот скандал не затронет слишком сильно. Пока тебя не было, второй сын главы Суда высшей инстанции занемог и теперь не может исполнять обязанности твоего спутника в учебе. Когда шум утихнет, его место рядом с тобой и наследником Янем займет единственный сын канцлера Вана.

Она сделала паузу и добавила:

— Сначала я хотела предложить это место второму молодому господину Шэню, но тот наотрез отказался. Приходится выбирать из того, что есть.

— Матушка...

Императрица продолжала:

— Ты должен привязывать к себе каждого, кто может быть полезен. Только так ты удержишься на месте и заставишь отца дважды подумать, прежде чем решаться на перемены.

Она помедлила и добавила шепотом:

— Когда ты взойдешь на трон и станешь императором, кто посмеет встать у тебя на пути? Я знаю, тебе горько, Юй-эр. Но помни: в этом унижении виновата не я, а твой отец и наложница Ань. Помни об этом.

<http://bllate.org/book/15344/1372735>